

веннику в конце XX столетия выпало на долю книгоиздательства с символическим названием «Согласие».

Литература

1. Булгаков, М. Собр. соч.: в 5 т. / М. Булгаков. – Т. 1. – М., 1989.
2. Бунин, И. Братья / И.А. Бунин // И.А. Бунин. Повести и рассказы. – Архангельск, 1982.
3. Воронина, Т. Спор о молодой эмигрантской литера-

туре / Т. Воронина // Российский литературоведческий журнал. – 1993. – № 2. – С. 152 – 184.

4. Газданов, Г. Вечер у Клэр / Г. Газданов // Газданов Г. Собр. соч.: в 3 т. – Т. 1. – М., 1996.
5. Красная газета. – 1927. – 24 мая, вечерний выпуск.
6. Российская государственная библиотека (РГБ). – Ф. 562. – К. 16. – Ед. хр. 8 – 9.
7. Фадеев, А. Собр. соч.: в 7 т. / А. Фадеев. – М., 1960. – Т. 4.
8. Цветаева, М. Стихотворения и поэмы / М. Цветаева. – Л., 1990.

УДК 81

В.Н. Бараков

СОЦИАЛЬНОЕ И МЕТАФИЗИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ В ПРОЗЕ
СТАНИСЛАВА МИШНЕВА

В книге современного вологодского писателя Станислава Мишнева «Пятая липа» окончательно свершился переход от изображения автором социального времени крестьянства к переосмыслению его же, но с метафизических позиций. Станислав Мишнев способен угадать типичное как в судьбе отдельного человека, так и в жизни нации.

Станислав Мишнев, сравнительное и метафизическое время.

Stanislav Mishnev, a contemporary Vologda writer, made the transition from portraying the social time of peasantry to its reinterpretation with metaphysical positions in his book "The Fifth Lime Tree". Stanislav Mishnev is able to divine the typical in a person's fate, as well as in the life of the nation.

Stanislav Mishnev, comparative and metaphysical time.

Еще в середине 1990-х годов А. Солженицын писал: «Ослабление тяги к земле – большая опасность для народного характера. А ныне крестьянское чувство так забито и вытравлено в нашем народе, что, может быть, его уже и не воскресить, опоздано – переопоздано» [4, 553]. Кстати, Солженицын тут же решительно утверждал: «Станет или не станет когда-нибудь наша страна цветущей – решительно зависит не от Москвы..., – а от провинции» [4, 559]. Даже А. Янов, убежденный противник почвенничества, признает: «Демократия медленно, но неуклонно проигрывает – по мере того, как углубляется эрозия либеральных ценностей и испаряется доверие к Западу» [5, с. 27]. В 1996 г. три философа: А.А. Карамурза, А.С. Панарин, И.К. Пантин предприняли очередную попытку найти выход из духовного кризиса в России: «Духовно-идеологический кризис, охвативший сегодня широкие пласты российского массового сознания, проявляется в двух основных формах:

– в кризисе национальной идентичности, утрате чувства исторической перспективы и понижении уровня самооценки нации, резко перешедшей от мессианской самоуверенности к историческому самоуничтожению;

– в разрыве единого духовного пространства и утрате национального консенсуса по поводу базовых ценностей, потерявших статус «абсолютных» ориентиров и ставших предметом общественной полемики.

Признаки современной духовной дезориентации населения, политико-идеологического разочарования и апатии связаны, в первую очередь, с неожиданно быстрым крушением очередного – на этот раз антикоммунистического, либерально-демократического социального мифа... Эта способность к очередному оптимистическому мифотворчеству еще раз продемонстрировала живость религиозного архетипа в нашей культуре...» [1, с. 157]. Философы неизбежно возвращаются к традиционной оппозиции: «западники» – «славянофилы» («почвенники»): «Проблема углубляется еще и тем, что даже пребывание на зыбком пограничье «двух варварств» не способно убедить цивилизацию, ибо «варварство охранителей» и «варварство просветителей», взаимодействуя, перемножаются, плодя особенно отвратительные формы квазицивилизации, которые П.Н. Милоков, оппонировав в 20-х годах нашего века понятию «Евразия», назвал термином «Азиопа». Думается, что и нынешняя политическая ситуация в России несет на себе черты «Азиопы» – как своего рода «дурного синтеза цивилизаций»; «западный» принцип плюрализма политических партий сочетается у нас с «восточным» принципом их структурирования как противостоящих кланов, выстраиваемых не снизу (на основе трансляции наверх определенных социальных интересов и ожиданий), а «сверху» – под конкретного лидера, подбирающего свою «клиентуру» [1, с. 161]. Три философа в очередной раз предлагали вариант примирения «западников» и «славянофилов»: «либе-

рально-консервативный синтез»... – то есть возвращаются к исходному пункту программы «почвенничества» XIX века.

В очередной раз приходится констатировать, что русская философия и тогда и сейчас представляет собой своеобразное «хождение по кругу». Ее формальные особенности лучше всего выделил А.Ф. Лосев:

«1. Русской философии, в отличие от европейской, и более всего немецкой философии, чуждо стремление к абстрактной, чисто интеллектуальной систематизации взглядов. Она представляет собой чисто внутреннее, интуитивное, чисто мистическое познание сущего, его скрытых глубин, которые могут быть постигнуты не посредством сведения к логическим понятиям, а только в символе, в образе посредством силы воображения и внутренней жизненной подвижности.

2. Русская философия неразрывно связана с действительной жизнью, поэтому она часто является в виде публицистики, которая берет начало в общем духе времени, со всеми его положительными и отрицательными сторонами, со всеми его радостями и страданиями, со всем его порядком и хаосом. Поэтому среди русских так мало философов *par excellence* (преимущественно): они есть, они гениальны, но зачастую их приходится искать среди фельетонистов, литературных критиков и теоретиков отдельных партий.

3. В связи с этой «живостью» русской философской мысли находится тот факт, что художественная литература является кладезем самобытной русской философии...» [2, с. 213 – 214].

В книге современного вологодского писателя Станислава Мишнева «Пятая липа» [3] окончательно свершился переход от изображения автором социального времени крестьянства к переосмыслению его же, но с метафизических позиций.

Федор Достоевский заметил однажды, что русский человек страдает от двух бед: безденежья и несчастной семейной жизни. Сегодня к этим традиционным напастям добавились еще и реформы: «Реформы все идут и идут. И когда они кончатся, и начнется нормальная жизнь?» (рассказ «Фаина Солод»).

Много-много лет мы говорим и пишем о вымирающей России, об опустошенной деревне, а знаем ли мы, как все это на самом деле происходит, какие ужас и боль испытывает человек, у которого не сбережения – страну и жизнь отняли, а теперь еще и умереть спокойно не дают...

Герой рассказа «Восьмое марта» Платон Мишулин, даже узнав о смертельном диагнозе, не может «уйти в себя»: «...Платон Алвианович воспротивился: без двух месяцев пятьдесят пять лет отработал в колхозе, и достанется ему на паи от приватизации такой гроб?.. Не согласен! Мертвым все равно, где лежать, но... он живой! Не согласен! Про свое несогласие он несколько раз повторил новому председателю доживающего последние месяцы колхоза – про себя, вкладывая в слова особенный смысл: не он умирает, это общее детище, имя которому Колхоз, умирает. Повторял и все добавлял, добавлял к ска-

занному... Он безнадежен, умрет, стылым в землю положат другие люди, а хозяйство ты, выучившийся в Германии специалист по банкротству, живым хранишь». Но это еще не конец. Русскому человеку даже здесь «пределы не поставлены»: происходит какой-то неизъяснимый переход из практической сферы в область иную, сверхъестественную: «И возжаждало сердце Платона Алвиановича нечеловеческого слияния жизни и смерти. Земная жизнь – это лишь шаг к жизни небесной. Ослепительно сияет солнце; скоро загудит высокое небо; и все, что есть на низу, что поет, рождает, плачет, цепляется за прожитый день и рвется ввысь, неразрывно сольется со светом небесным в одну дивную гармонию вечности...»

«Если бы остановить то время...», «Прошла жизнь...», «Ушло то время, его время...», – сетуют герои рассказов, понимая, что сделать уже ничего нельзя, как «...нельзя уничтожить время, / Обломив часовые стрелки» (А. Шадринов). Все мы так или иначе «не вписались» в новую жизнь, и не потому, что лентяи или маргиналы, а просто потому, что – не нужны! Не нужны – и все тут!.. Мало того, что миллионы работающих и подрабатывающих без продоху – бедные люди, «солдаты нищеты» (рассказ «Сания»); горе их еще и в том, что вырваться из этой нищеты человеку без обмана – ну никак невозможно! Горя на русской земле – море разливанное!.. Впрочем, «горя много, а смерть одна»...

Да, чем дальше от нас уходит советская эпоха, тем милее все лучшее, что было в ней. Но мы должны понять, наконец: тогдашнее благополучное земное устройство (не чета нынешнему!) не сулило благоденствия за смертным пределом. В исключительных случаях советский человек мог проникнуть в мистическую сферу православия, но подлинное покаяние и духовная дисциплина были уделом избранных.

Говорят, что «бабушки в платочках» уже тогда отмолили наши нераскаянные грехи... Видимо, нет, потому как только в последние десятилетия из нас стала выходить на свет Божий вся та мерзость – и личная и общая, – о которой мы в «застойно-благословенные» годы и не подозревали...

В произведениях Станислава Мишнева звучат голоса глубинной России, живущей собственным, воистину драгоценным, хотя и не востребованным умом.

В рассказе «Кровь у всех красная» отличник Сашка Загоскин, которого в школе зовут Сократом, напишет в своем дневнике: «Где Энгельгардты, где настоящие землепользователи? Виноватых пруд пруди, особенно в деревне. Чувствуется, что зреет нарыв, он будет зреть очень болезненно и долго, таков расклад нашей действительности. Стареют липы у нашего дома, тощат деревня народом, но самое страшное – живые живых готовы перехоронить раньше срока. Забывается родство, а праздники уже забылись, мы, соседи, тяготимся соседством. Наблюдал, как отец ходит за водой к колонке. Ступит с крыльца – вроде на деревне чисто, не надо ни с кем здороваться, – вроде как долги отдавать, и пошел. Так же и Борис ходит. Какой-то закон джунглей – у

каждого своя тропа. В каждом человеке сидит маленький дьявол, и чем ниже мы падаем, тем он крепнет, становится заносчивее, глубже запускает корни в наши души. Все, имеющее силу распорядится, распорядится не в лучшую сторону, что-то прошальное, горчачее от этого духовного перераспределения. Вера, как сказал апостол, есть уверенность в дела невидимые. Наш народ попал в какой-то унизи-тельный вакуум, мне кажется, мы не верим ни нашим правителям, ни в Русь, мы возвращаемся в чащу, в разноголосое чтение...» [3].

И вот этого самого Сашку, гордость и надежду односельчан, пьяные милиционеры губят просто так, от злости своей неизбежной: «..они схватили Сашку за ноги, раскачали и кинули, должно быть метя перекинуть через изгородь, но Сашка не перелетел изгородь, он животом плюхнулся на два острых кола, и дикий вопль прорезал деревню...» [3].

Борис Екимов пишет вроде бы о том же убитом горем селе, но его рассказы больше походят на физиологические очерки. У вологжанина Станислава Мишнева, кроме повседневной жизни, есть философский подтекст, есть нечто более существенное и до конца не разгаданное – все то, что зовется поэзией.

Станислав Мишнев способен угадать типичное как в судьбе отдельного человека, так и в жизни нации; обыденное, мирское под его пером совершенно преображается.

«В уходящем дне, – признается писатель, – всегда есть что-то печальное, влекущее и чарующее, неза-конченное, незавершенное, иконописное. Стою на росстани на краю поля – дорога на две руки... За спиной моя бедная, разоренная деревня... ..мои глаза становятся острыми и, словно впиваясь то в мелькнувший вдаль свет, то в пролетающего жука силятся на всю оставшуюся жизнь запомнить все взять с собой все. Я жадный – все!.. В обмен на будущее – непознанное и светлое, забрать омытое сле-зами отжившее, лукавое и проклятое настоящее. Е-ту эту минутку душа переполнена особым чувством, но той искреннего удовлетворения, любви к своей уни-женной России, и название этому – Вечность» [3].

Литература

1. *Кара-Мурза, А.А.* Духовный кризис в России есть ли выход? / А.А. Кара-Мурза, А.С. Панарин, И.К. Пантин // Октябрь. – 1996 – № 5. – С. 155 – 165.
2. *Лосев, А.Ф.* Философия. Мифология. Культура / А.Ф. Лосев. – М., 1991.
3. *Мишнев, С.* Пятая липа: Рассказы / С. Мишнев. – СПб., 2005.
4. *Солженицын, А.И.* Публицистика: в 3 т. / А.И. Солженицын. – Ярославль, 1995. – Т. 1.
5. *Янов, А.* После Ельцина. «Веймарская» Россия / А. Янов. – М., 1995.

УДК 81

С.И. Бугла

**ПРЕДЛОЖЕНИЯ С НЕРЕАЛЬНЫМ СРАВНЕНИЕМ
В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

В статье рассматривается один из аспектов сослагательного наклонения (СН), а именно, – его употребление с союзом *as if / as though*. Классификация придаточных в английском языке по принципу их уподобления членам предложения приводит к тому, что придаточные с этими союзами оказываются в разных типах придаточных: субъектных, предикативных, атрибутивных, адвербиальных. Предлагается выделить их по формально-семантическому принципу как придаточные нереального сравнения.

Сослагательное наклонение, придаточные предложения образа действия, сравнения; придаточные предложения нереального сравнения, *as if, as though*.

The article considers one of the aspects of the subjunctive mood, *i.e.* its use with the conjunctions *as if / as though*. The traditional classification of subordinate clauses as similar to the parts of the sentence in English leads to the distribution of *as if / as though* in different subordinate clauses – subject, predicative, attributive, adverbial. On the principles of formal and functional semantics the article suggests regarding subordinate clauses with *as if / as though* as adverbial clauses of unreal comparison.

Subjunctive mood, subordinate clauses of manner, comparison, adverbial clauses of unreal comparison, *as if, as though*.

Сослагательное наклонение (СН) представляет серьезную проблему для всех изучающих язык. Единым для всех лингвистов является лишь мнение о том, что оно обладает значением нереальности, нефактуальности. Что касается других вопросов, то здесь наблюдается различия во мнениях относительно количества и типов СН (от 3 до 6) до их полного отрицания. Имеется точка зрения, согласно которой СН постепенно исчезает и заменяется формами ин-

дикатива (например, вариант формы *was* вместо *were*). Основным критерием выделения СН являются семантика нереальности (ирреальность, нереальность, потенциальная нереальность). Вторым фактом выделения СН является время: СН настоящего прошедшего времени и перфектного (Present Subjunctive, Past Subjunctive (If I were), Perfect Subjunctive (should, would, modals + Past Perfect)). Однако при более практичном подходе к выделению СН оно о-